



АННА КЕЙ

КОГДА
ЛУНА
ОКРАСИТСЯ
В АЛЫЙ

фэнтези

МИОО



ПРОЛОГ

В лесу среди холодных заснеженных гор, скрывшись в тепле простого дома, на татами* в идеальной сэйдза** расположилась девушка, сосредоточенно выводя иероглифы на тонкой рисовой бумаге. Выверенными движениями каллиграфа с точностью мастера наносила она каждый штрих, когда двери дома резко открылись, являя на пороге юношу, совсем молодого, едва вошедшего в пору взросления, но уже жаждущего себя показать. Хозяйка даже не взглянула на него, рука и дальше уверенно выписывала символы, и лишь глаза угрожающе сузились.

— Вот ты где! — прорычал незванный гость, но окрик его остался без внимания. — Я знаю, кто ты на самом деле! И все беды нашей деревни — из-за тебя!

— Ваша деревня сама виновна в своих бедах, — спокойным, холодным голосом ответила она, не поднимаясь с татами. Отложила толстую кисть и присыпала начерченный иероглиф процветания мелким речным песком, помогая туши высохнуть быстрее.

— Ты нас прокляла, ведьма! Не просто оборотень — кицунэ! — выплюнул юноша, доставая из ножен катану.

* Соломенные маты, которыми покрывают пол. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

** Один из традиционных японских способов сидения на полу.

Острие опасно блеснуло, когда длинный меч поймал луч солнечного света.

Девушка дернулась, как от удара. Расцветшая на губах холодная и несколько жестокая улыбка не предвещала ничего хорошего.

— О нет, вы прокляли себя задолго до того, как моя ярость окончательно обрушилась на вас, — прошипела она, грациозно поднимаясь. Алое кимоно переливалось золотом вышитых цветов. — Вы прокляли себя в тот момент, когда убили единственного человека, что не побоялся быть со мной. Когда ваши предки решили, что это неправильно, опасно, что это сулит им беды. О, они даже не подозревали, как правы! Но страдания пришли к ним только после того, как они погубили единственного, кто мог принести в их дома благодать!

Резким, отточенным движением кицунэ бросилась на юношу, но тот успел увернуться, перекатившись на бок и крепче сжав оружие в руках. Ее угольно-черные волосы взметнулись перед глазами, застилая обзор юноше, поэтому он сильным ударом ноги отбросил девушку от себя. Она ударилась о сёдзи* — и от ее веса тонкая преграда между домом и садом порвалась. Кулем свалившись в глубокий снег, кицунэ тут же поднялась на ноги, не давая нападавшему расслабиться. Кимоно ее казалось уже не просто алым, а как растекшаяся по снегу кровь, взгляд темных глаз обещал мгновенную расплату. Ветер, появившийся неведомо откуда, разметал длинные волосы, и в ропоте приближающейся выюги громом раздался голос кицунэ:

— Я — девятихвостая Генко, некогда хранительница этих мест и верная слуга Инари-сама**, и ты, простой человек,

* Раздвижные двери.

** Сама — суффикс в японском языке, выражающий высшую степень уважения, аналог русского слова «господин/госпожа».

думаешь, что сможешь одолеть меня? Тысячелетнюю лисицу?

Резкий смех раздался в воздухе, юноша содрогнулся, но продолжил стоять перед девушкой, не двигаясь с места.

— Ты еще пожалеешь, что решила проклясть нашу деревню!

Слишком стремительный шаг вперед — и он занес катану над вроде бы беззащитной лисой, острое лезвие сверкнуло на солнце, и клинок резко опустился. До тела Генко оставалась лишь пара сун^{*}, когда она молниеносно увернулась от оружия, скользнув вправо и доставая из-за пояса тонкий короткий нож. В мгновение ока Генко оказалась за спиной юноши, лезвие уперлось ему в горло.

— Ты правда думал меня победить? — прошептала она. — За смелость я прощаю тебя, за глупость — отпускаю, но больше никогда не смей приближаться к моему дому. Передай это всем тем героям, которые задумают рискнуть и подняться ко мне. Ясно? Иначе пощады не ждите.

Нож исчез так же внезапно, как и появился. А кицунэ уже стояла поодаль и наблюдала за неудавшимся героем спокойным, равнодушным взглядом, словно ожидая, когда же он уйдет. Юноша злобно посмотрел на Генко, спрятал катану в ножны и слегка поклонился.

— Я преклоняюсь перед вашей силой, — сквозь зубы процедил он. — Но я вернусь. Как только стану сильнее — вернусь! И отомщу за свою деревню!

— Что ж... я буду ждать, — так же спокойно произнесла лиса и двинулась в сторону дома. Остановившись перед разрушенной стеной, она оглянулась и с издевкой произнесла: — Только поторопись. Не хочу потом бороться со стариком, единственное оружие которого — остатки разума.

* Японская мера длины, равная 3,03 сантиметра.

Юноша скрипнул зубами от злости, но смолчал и ушел в противоположную сторону от ухмыляющейся кицунэ.

Генко проводила его взглядом, и наблюдающий из-за дерева кодама* задумчиво склонил свою излишне большую по сравнению с тельцем голову набок и внимательно посмотрел на кицунэ. Существо с трудом забралось на священные веревки — симэнаву, которые опоясывали дерево, и принялось ждать указаний.

— Когда отдохнешь, передай Кагасе-о, что сегодня я не принимаю гостей. Мне не мешало бы сначала навести порядок в доме, — мягко коснувшись рукой поврежденной стены, негромко произнесла Генко.

Кодама на дереве понимающе склонил голову набок, выражая согласие, и растворился в спускавшемся с вершины горы тумане. Генко же нахмурилась — в последнее время ками** гневались все чаще: борьба людей за власть, в которой сёгун стремился сместить императора, делала богов слабее. Люди не молились, больше сосредоточенные на войне, и это отнимало силу ками. И способностей Генко порой не хватало, чтобы хоть немного скрыть их недовольство. Не удивительно, что люди в очередной раз решили, что именно она виновна во всех их бедах. Словно когда-то было иначе.

Раздраженно фыркнув, Генко присела на искрящийся снег. Притаившиеся под сваями лисы тут же выскочили наружу и внимательно посмотрели на свою хозяйку. Жар от ее ладоней — лисье пламя, которое не прекращая горело в ней с момента, как она стала кицунэ, — растопил небольшую лунку и довольно быстро прогрел скованную морозом землю. Пар на мгновение ослепил, но быстро рассеялся, явив частицу грунта. Генко проворно нырнула

* Дух дерева или же само дерево, в котором живет дух.

** В синтоизме духовная сущность, бог.

пальцами в теперь уже податливую землю, нащупывая ее жизненные нити.

Земля казалась неправильно слабой. Обычно такой она становилась на исходе осени, когда собирали последние урожаи, но отдыхала за зиму и к приближению весны, как сейчас, уже набиралась сил и наполнялась жизнью, чтобы вновь дарить урожай. Генко тревожно поджала губы и приложила вторую руку к груди, где теплом разливалась ее сила. Энергия в теле забурилась, вспыхнула пламенем на кончиках пальцев, погруженных в землю, и устремилась в почву. Закрыв глаза и сосредоточившись на своих ощущениях, Генко следила за тем, как сила растекается по земле, как мчится к деревне, оседает на полях, обещая богатый урожай и питая озимые культуры.

Удовлетворенная результатом, Генко небрежно вытерла испачканные пальцы о талый снег и встала. Кимоно промокло, отяжелело и прилипло к коленям, но Генко, словно не замечая этого, направилась в дом. Стену уже пыталась восстановить пара мелких духов, что-то возмущенно стрекоча и явно не зная, как все исправить. Генко одарила тружеников равнодушным взглядом, поднимаясь по ступеням в дом. Конечно, пролезть через дыру в стене было бы проще и куда быстрее, но она считала себя вполне приличной лисой и не желала мешать духам, которые искренне старались понять, что делать.

— Из префектуры Иватэ скоро прибудет дзасикивараси*, она заботливо следит за старыми домами и одна из немногих ёкаев**, которая не будет вас обижать. Возможно, она знает, как починить повреждения, — как бы между прочим сказала Генко. Духи тут же возмущенно загалдели,

* Дух дома, аналог русского домового.

** Ёкай — общее название демонов в японской мифологии, которые могут превращаться в людей.

оскорбленные тем, что к ним в дом вот-вот подселится посторонний, и принялись усерднее копошиться у стены.

Генко неторопливо вошла в комнату и убрала бумагу с написанным иероглифом, вычистила кисть для каллиграфии и чернильный камень. Короткое сражение напроочь отбило желание продолжать писать пожелание старому знакомому, так что картина бамбукового леса осталась незавершенной. Решив, что окончит ее в ближайшее время, Генко отправилась на кухню, стараясь ничем не выдать свое напряжение, чтобы не пугать духов. Все они были маленькими и безобидными, слабыми и откровенно трусливыми, поэтому Генко меньше всего хотела бы нагонять на них страх.

Земля, что имела так мало жизни, была дурным знаком. Не так давно тэнгу* жаловался, что птиц стало подозрительно мало, а живущий неподалеку тануки, с которым Генко любила устраивать словесные перепалки, вдруг сказал, что намерен ближе к лету уйти глубже в горы. Чутье, которое, по словам тануки, прежде не подводило старого ворчуна, буквально вопило: что-то грядет.

— Интересно, — протянула Генко, ставя на огонь чан воды. — Знает ли Инари-сама о происходящем?

В горах растекался густой туман, погружая притаившийся дом в непроглядное марево. Ветер успокоился, и только перешептывания духов у сломанной стены нарушали воцарившуюся тишину. Генко глубоко вздохнула.

Что-то близилось.

* Японский гоблин, часто имеющий вороноподобный облик.